

Т е м а н о м е р а : Профессионал как субъект социального действия

К проблемам методологии исследования российского профессионала как субъекта социального действия

Аксёнова Ольга Владимировна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник сектора изучения социокультурного развития регионов России Центра социологии образования, науки и культуры ИС РАН

E-mail: illaio@yandex.ru

К проблемам методологии исследования российского профессионала как субъекта социального действия

Аннотация

Статья посвящена проблемам теоретико-методологического подхода к изучению российского (советского) актора, действующего в профессионально-управленческой сфере. Рассматриваются трансформации западного субъекта посредством анализа сменяющих друг друга его концептуальных интерпретаций, на этой основе предложен вариант теоретического инструментария для исследования российского актора-профессионала и пространства его действия.

Ключевые слова: действующий субъект, актор, агент, система, технология, разделение труда, рефлексия, ценности, нормы, принятие решений, модернити, постмодерн

Свободный от ограничений традиционного общества субъект, независимо принимающий решения и самостоятельно их осуществляющий, явно или неявно присутствует практически во всех направлениях социальной мысли Нового времени. Агрессивный эгоист Гоббса, капиталист и наёмный работник Маркса, аскетический предприниматель Вебера – во всех своих ипостасях он считался необходимым условием или предпосылкой возникновения современного общества и, одновременно, его результатом. Бурное развитие социальных движений в 1960-70 гг. сфокусировало внимание исследователей на субъекте гражданского общества. В этот период формулируется категория актора, который своей активностью изменяет окружающую его социальную реальность. Актор становится одним из ключевых элементов социологического дискурса, связанного с гражданским обществом в частности и с демократическим общественным устройством в целом. Складывается ряд устойчивых воззрений почти аксиоматического свойства на природу действующего субъекта и его роль в социальных трансформациях эпохи модерна и постмодерна. Так, его на-

личие становится своего рода индикатором модернизации в её значении разрушения институтов традиционного общественно-го устройства и перехода к его современной западной версии.

Утверждение об отсутствии актора в Советском Союзе и о его крайней слабости в современной России также приобрело характер аксиомы, оно практически не обсуждается и постулируется как основанное на очевидных фактах¹. В равной степени бесспорным считается существование актора в западном социуме, где он и был зафиксирован социологической наукой. Сложился круг своего рода констант, определяющих рамки изучения субъекта в России и направляющих его на поиск причин или условий воспроизводства индивида, не заинтересованного в свободе, ориентированного на сильную власть, склонного к патернализму.

В то же время, процессы социальной самоорганизации и её актор изучаются российскими социологами уже более двадцати лет. В конце 80-х гг. прошлого века появилось множество различных гражданских объединений, стремительно формировались и институционализировались массовые социальные движения – экологическое, рабочее, движение коренных малочисленных народов Севера. Гражданская активность не прекращалась в российских регионах даже в период экономической стагнации, последовавшей за распадом СССР, и кризисом конца 1990-х гг., оставаясь при этом своего рода социологической экзотикой, известной в основном тем, кто её изучает.

В данной статье представлена попытка создания теоретико-методологического подхода к изучению российского и советского действующего субъекта, позволяющего интерпретировать его позицию и роль в социуме.

Особенности российского действующего субъекта

Отправным пунктом для разработки теоретико-методологического подхода к анализу российского актора должны быть его особенные свойства, зафиксированные эмпирическими исследованиями [см.: 2-7]. Их можно обобщить следующим образом.

Во-первых, гражданские объединения, включая массовые движения, появились в советский период (конец 1980-х гг.) едва ли не мгновенно, после того, как были раз-

¹ Так, по мнению самого автора акционистской концепции А. Турена, невозможность формирования активного субъекта на уровне индивида является второй (после закрытости советского общества) причиной распада СССР: «Вторая причина распада Союза состоит в том, на мой взгляд, что он не позволял формироваться сильной независимой личности. Для этого не было ни стимулов, ни возможностей. Это наблюдалось уже в сфере образования и подготовки студентов. Только на путях диссидентства возможно было формирование сильной личности» [1, с. 44].

решены. Очевидно, что такой бурный процесс самоорганизации был бы невозможен без достаточного числа независимых и активных индивидов [см.: 3, 5], которые, следовательно, формировались и воспроизводились в советских условиях.

Во-вторых, в формировании гражданских объединений и движений важную (а в иных случаях и главную) роль играли профессионалы. Более того, во всех регионах и локальностях была обнаружена высокая активность профессионалов (учителей, врачей, инженеров, специалистов-экологов и др.). В основном она носила внутрiproфессиональный характер, то есть была направлена на сохранение своего дела и возможности его продолжать в условиях сокращения, а иногда и прекращения финансирования, на защиту фундаментальных основ профессии, которые трансформируются в результате реформ или экономического упадка отрасли, на реализацию профессиональных идей и т. п. В то же время чёткая грань между профессиональным и социальным аспектами действий специалистов отсутствует, наиболее наглядно это демонстрирует движение Дружин Охраны Природы (ДДОП), детально изученное и описанное в российской социологии в контексте анализа гражданского общества. Движение создано в конце 1960-х гг. студентами и преподавателями биологических факультетов, а в конце 1980-х стало ядром формирования советского и, позже, российского экологического движения [см.: 4, 5].

Активность профессионалов практически не зависит от экономических и политических изменений, наблюдается в депрессивных и в относительно благополучных регионах и локальностях. Она слабо связана с материальными интересами, а в иных случаях требует поиска дополнительных доходов. Актор-профессионал оказался стабилен во времени и в пространстве, менялись лишь формы его действий. Это дало основания предположить, что активизм российских профессионалов традиционен, имеет длительную историю, основан на базовых ценностях, которые медленнее всего поддаются влиянию экономических, социальных и политических перемен. В этом случае в отсутствие гражданского общества западного типа, именно профессиональная сфера в СССР могла быть полем действия актора. Целый ряд исследований подтверждает обоснованность такой гипотезы.

Дуглас Вайнер в книге «Заповедники в СССР. Архипелаг свободы» [6] показывает, что создатели ДДОП опирались на уже сложившуюся традицию. Развитие заповедного дела в его работе представлено как результат активистских усилий биологов-энтузиастов; однако само её название указывает на определённую обособленность ситуации, обусловленную удалённостью заповедников от власти, их превращение в своего рода убежища для действующего субъекта. Активность биологов в целом выглядела скорее как ещё одно исключение из правил,

наряду с движением диссидентов. Однако французские исследователи А. Блюм и М. Меспуле обнаружили самостоятельно действующего субъекта в одной из центральных и наиболее приближенных к власти структур – в статистическом управлении, причём в исторический период, тоталитарность которого почти общепризнана, а именно в 1930-е гг. [см.: 7].

Перечисленное даёт основание полагать, что утверждение об отсутствии в СССР условий для появления сильной, независимой личности ошибочно. Российский актер историчен, он не возник на пустом месте, но является новой формой проявления сложившегося в предшествующие эпохи субъекта действия, он в значительной мере является актером-профессионалом, сменившим или просто расширившим поле своей активности. В этой связи ключом к пониманию специфики российского субъекта, превращающей его в актера-невидимку, должен быть концептуальный подход, позволяющий обнаружить наличие (или отсутствие) условий появления актера в сфере управления жизнедеятельностью индустриального общества в целом и в советской профессионально-управленческой системе в частности.

Проблемы выбора теоретического подхода

Ситуация, в которой российский (и тем более – советский) актер остаётся невидимкой в научном дискурсе, несмотря на наличие эмпирических исследований, подтверждающих его существование, сама по себе парадоксальна, требует анализа и объяснения. Она может быть обусловлена множеством факторов, в числе которых устойчивое неприятие социальной активности властью, связанное с ним молчание СМИ, неизбежная ангажированность общественных наук и даже снобистское отношение к нему со стороны учёных. Как ни странно, именно это эмоционально окрашенное отрицание действующего субъекта может оказаться ключом к разгадке, так как объективно обусловлено его очевидными отличиями от эталонных западных образцов и связанной с этим сложностью интерпретации. В результате возникает феномен теоретической слепоты по отношению к актору, а его исследование становится научной экзотикой, изучающей специфические и редкие отклонения от нормы.

Категориальный аппарат общественных наук складывался на основе наблюдений за становлением западного индустриального общества от начала Нового времени до эпохи постмодерна, был предназначен для его изучения, менялся вслед за изменениями в своём предмете. Он, соответственно, должен быть достаточен для исследования процессов так называемой догоняющей модернизации, то есть преобразования традици-

Ситуация, в которой российский (и тем более – советский) актер остаётся невидимкой в научном дискурсе, несмотря на наличие эмпирических исследований, подтверждающих его существование, сама по себе парадоксальна. Возникает феномен теоретической слепоты по отношению к актору, а его исследование становится научной экзотикой, изучающей специфические и редкие отклонения от нормы.

онного общества в общество современное (капиталистическое, индустриальное и т. п.). Но даже они могут оказаться незамеченными, если не учитывать временной лаг и использовать только новые социологические подходы. Современность в социологии обусловлена, с нашей точки зрения, не столько совершенствованием инструментов рефлексии, сколько изменчивостью объекта и предмета.

Есть и другой, более сложный вопрос: имеем ли мы дело только лишь с догоняющим развитием, с некоторой задержкой модернизации или с её иной версией? Можно ли измерять развитие российского индустриализма лишь при помощи шкалы «традиция – модернизи – постмодерн», интерпретируя как архаику всё, что не укладывается в западный вариант современности¹?

Исходным пунктом российского транзита было вовсе не родовое или феодальное общество, но институты, структуры, ценности, механизмы воспроизводства и т. п., сложившиеся за период советской индустриализации, которая осуществлялась посредством разрушения традиционного общества. Поэтому категория «традиции» как регулятор жизнедеятельности до-индустриальных общественных укладов, по меньшей мере, недостаточна для анализа субъекта, обеспечивавшего научно-технический прогресс, так как она не содержит в себе социокультурных или экономических механизмов прогрессивного (линейного) развития. Существует, однако, почти общепринятая интерпретация произошедших после 1917 г. изменений именно как возврата к традиции². Она выявляет и подчёркивает свойства советской социальной системы, которые выглядят традиционными: сосредоточение всего управления в руках КПСС, отстранение народа от участия в принятии решений, формирование некоего аналога сословной структуры общества. Эта трактовка фиксирует отличие между двумя вариантами индустриального общества, что само по себе важно. Но для объяснения выявленного активизма профессионалов она не подходит, напротив, с её помощью много легче обосновать утверждение о пассивности всех советских, а затем и российских граждан.

¹ Например, российские ценности интерпретируются как традиционные по отношению к новым либеральным и «общечеловеческим» [см.: 8, с. 32-39].

² Н. И. Лапин в частности указывает: «Три массовые революции начала XX в. и гражданская война 1918-1922 гг. взбудоражили и изменили социальные устои России: ликвидация частной собственности означала уничтожение основ гражданского общества, максимальную этатизацию советского общества, подчинение всего производства государству, государственных структур – влиянию КПСС. В итоге – тотальное отчуждение человека: от участия в управлении, от результатов своего труда, от правдивой информации, от личной безопасности. Произошёл возврат от начавшейся либерализации антропосоциетального соответствия к крайней, давно не наблюдавшейся его традиционализации [см.: 8, с. 32-39].»

Мы исходим из предпосылки, которая представляется очевидной: исходный и конечный пункты российской модернизации как движения от традиции к современности неизвестны. Будущее в любом случае может лишь прогнозироваться с различной степенью определённости и обоснованности. Но и прошлое в данном случае не определено. Утверждение о традиционности советского общества может быть не более чем научно обоснованным предположением по причине отсутствия систематических исследований исчезнувшего предмета. В этой связи допустимы и иные гипотезы, в том числе и о наличии в СССР особой модернизационной модели¹. Следовательно, допустимо предположить возникновение инновационных изменений, которые не обязательно являются элементами западного варианта современности.

Отметим, что осмысление различий между западными и российскими социальными процессами долгое время происходило в области около- и квазинаучных спекуляций о духовности или об особом пути России, а также в сфере художественных интерпретаций. Благодаря этому мы располагаем именно тем категориальным и объяснительным аппаратом, который сложился в социологии к сегодняшнему дню. Современная российская социология с его помощью ищет подходы к объяснению отечественных тенденций общественного развития, подбирая наиболее адекватные предмету комбинации понятий и концепций, корректируя их на основе сравнения российских и западных процессов и явлений [см.: 10, 11]. Например, сопоставление западной и российской версий свободы как институционально ограниченной свободы выбора и не лимитируемой ничем воли (или своеволия) является, с нашей точки зрения, спорным, однако методологически оно позволяет сделать российские особенности предметом научного осмысления, даёт возможность обнаружить и проанализировать различия, казавшиеся едва ли не мистическими.

Метод сравнения представляется оптимальным и для анализа действующего субъекта, однако при его использовании возникает ряд достаточно серьёзных трудностей. Прежде всего, необходимо учитывать тот факт, что неизменных во времени констант в социуме нет. Применительно к нашему случаю, нет классического актора, раз и навсегда сформировавшегося, но есть процесс его постоянных трансформаций. Для того чтобы их выявить, требуется исследование обширнейших объемов эмпирических данных, касающихся западного субъекта действия, что для российского социолога невозможно

¹ Например, согласно позиции, представленной, в том числе в трудах Ю. А. Левады, инновация начинается с изменений в технологиях, зарождается рядом с традицией и в итоге меняет традиционные институты [см.: 5; 9, с. 21]. Технологические изменения в СССР не требуют доказательств, являясь данностью, следовательно можно предположить наличие институциональных трансформаций. Их отличия от западных («классических») также достаточно очевидны. Остаётся лишь выяснить, каково содержание этих изменений.

даже гипотетически. По этой причине мы исходили из того, что изменения, происходящие с актором, неизбежно в той или иной форме отражаются в сменяющихся друг друга научных парадигмах. Необходимо, поэтому, понять, как менялись представления о позиции субъекта в социальной целостности¹, каким образом в этой связи менялась трактовка его имманентных качеств, включая его независимость, способность к рефлексии, свободу принятия решения и т. п.

Следующая сложность заключается в том, что сама категория актора сформулирована на основе изучения субъекта гражданского общества, а нашим предметом является субъект, изначально действовавший в профессионально-управленческой сфере, которая никогда не рассматривалась как подходящее поле для действий актора. Но стремительное превращение советского актора-профессионала в актора гражданского общества в конце 1980-х гг. свидетельствует об отсутствии непроницаемых границ между пространствами профессионального и гражданского действия. Но тогда необходим теоретический инструмент, позволяющий обнаружить их взаимосвязь. По этой причине нужно было рассмотреть достаточно широкие трактовки независимого субъекта, концепции актора, действующего в гражданском обществе, и теоретические обобщения исследований субъекта системы управления.

Однако использование многочисленных теорий управления и менеджмента осложняется тем, что в них субъект, его качества и его позиция имеют значение лишь в связи с повышением эффективности действия системы или с обеспечением её безопасности. С их помощью невозможно выяснить, каким образом сама система влияет на включённого в неё актора. Поэтому основное внимание было уделено концепциям, обобщающим результаты социологических исследований в области науки и технологии (science and technology studies). Их объект в значительной степени совпадает с объектом социологии управления и представляет собой сферу действия едва ли не большинства профессионалов, так как включает в себя технологические и организационные системы промышленности, транспорта, жизнеобеспечения и т. п. В этих теориях рассматривается, в том числе, воздействие технологий на человеческую деятельность и её субъекта (индивидуального и коллективного), а в итоге – влияние этих изменений на систему социальную.

¹ Ален Турен: «Надо, таким образом, отказаться от иллюзорных попыток анализировать действующие лица вне всякого отношения к общественной системе или, наоборот, от описания системы без действующих лиц» [12, с. 6].

Колонизация жизненного пространства

Как ни странно, при всей изначальной общепризнанной значимости свободного субъекта в становлении капитализма, в теоретических обобщениях он не играл ключевой роли, подчиняясь неумолимым законам исторического развития, которые и были предметом анализа и дискуссий общественной мысли XIX и начала XX вв. Классическая социология XX в. позиции субъекта не изменила, сделав приоритетной и доминирующей категорию системы.

Понятие системы возникло в 1920-е гг., в общественных науках получило распространение в 1950-е. Научные концепции и новые категории имеют обратное действие, в том смысле, что используются для анализа исторически весьма отдалённых от их появления процессов. Понимание того факта, что целое есть нечто большее, чем сумма составляющих его элементов, и что каждый из этих элементов обладает функцией, обеспечивающей его сохранение, оказалось применимым практически к любой целостности, будь то, к примеру, средневековый город или современный мегаполис. При ближайшем рассмотрении степень и характер «системности» варьируются в широком диапазоне. Функции отдельных элементов социальной или политической системы могут исполняться лишь опосредованно и в конечном счёте. Субъекты могут иметь собственные цели, определяемые интересами и ценностями. Но их функциональность может быть также заданной, предписанной и формализованной, как это происходит в системе управления.

Социологическая теория второй половины XX в. системно ориентирована и почти безсубъектна: «Это холодный мир, из которого исключено действующее лицо со всеми его верованиями, проектами, общественными отношениями, с его способностью к чисто социальному действию» [12, с. 8]. В этом мире актор и его действия редуцированы до роли и функции, а взаимодействия – до норм и правил, их активность ограничена конструкциями структур и требованиями системы. Одновременно со структурным функционализмом Т. Парсонса и Р. Мёртона, различными вариантами системных концепций в социологии и политологии появляются теории институтов, понимаемых как структуры (Р. Коуз) или как нормы и правила действий и взаимодействий (Д. Норт). В обоих случаях взаимодействия сведены до выявленной исследователями схемы. Разрабатываются модели сетей связей, соединяют точечных абстрактных субъектов друг с другом и т. п.

При всей изначальной общепризнанной значимости свободного субъекта в становлении капитализма, в теоретических обобщениях он не играл ключевой роли, подчиняясь неумолимым законам исторического развития, которые и были предметом анализа и дискуссий общественной мысли XIX и начала XX вв. Классическая социология XX в. позиции субъекта не изменила, сделав приоритетной и доминирующей категорию системы.

Такая формализация социальной, политической и культурной реальности, разумеется, есть результат научного абстрагирования, позволившего обнаружить конструкцию общественного устройства. В то же время она свидетельствует о наличии неких процессов, эту конструкцию обнаживших. Наиболее очевидными её элементы становятся в управлении, которое превращается в формализованную систему по мере индустриального развития и усложнения производства. Система делает это производство управляемым, контролируемым, а в итоге – эффективным. Рационализация, чёткое определение функций и выстраивание схем взаимодействий непосредственно в менеджменте (управлении персоналом) позволяет справиться с нарастающей сложностью внутренних взаимосвязей элементов развивающейся индустрии. Классические теории управления также строятся на представлениях о возможности предельной рационализации, а значит упрощения человеческих взаимоотношений внутри системы, при этом сама система постоянно усложняется [см.: 13, с. 40].

На определённом этапе развития модернити, последовавшем за бурными институциональными переменами 1960-70-х гг., ряд социологов обнаруживает системную простоту уже не внутри сферы управления и не в абстракциях холодного мира системных теорий, а непосредственно в социальной реальности, когда сложные человеческие взаимодействия упрощаются до схемы и функции.

На определённом этапе развития модернити, последовавшем за бурными институциональными переменами 1960-70-х гг., ряд социологов обнаруживает системную простоту уже не внутри сферы управления и не в абстракциях холодного мира системных теорий, а непосредственно в социальной реальности, когда сложные человеческие взаимодействия упрощаются до схемы и функции. Но прежде отметим, что шестидесятые годы прошлого столетия имеют для общества и для научных представлений о нём особое значение [см.: 14, с. 567 и далее]. Происходил слом старых правил, одновременно существовало множество различных тенденций развития общества, соответственно, их исследований и теоретических интерпретаций.

Одной из тенденций, зародившейся в шестидесятых, стало формирование новой, экологически ориентированной системы ценностей, смещающей человека с его позиции царя природы. Социологи изучили и зафиксировали этот ценностный сдвиг как новую экологическую парадигму, вытесняющую парадигму антропоцентрическую [см.: 15, с. 41-49]. Однако уже в середине 1990-х гг. С. Лэш пишет о том, что, вопреки ожиданиям и надеждам, смены системы ценностей не произошло, новая экологическая парадигма так и не сложилась, а доминирующей постепенно становится «инструменталистская, менеджерская, стандартизирующая парадигма, лишённая человеческого смысла» [16, с. 5]. Тот же автор современную ему стадию модернити обозначает как «лишённый культурного содержания технократический модернизм» [16, с. 5].

По определению Ю. Хабермаса, происходит колонизация системой всего пространства жизнедеятельности общества за счёт расширения формально организованных сфер действий

На определённом этапе развития модернити, последовавшем за бурными институциональными переменами 1960-70-х гг., ряд социологов обнаруживает системную простоту уже не внутри сферы управления и не в абстракциях холодного мира системных теорий, а непосредственно в социальной реальности, когда сложные человеческие взаимодействия упрощаются до схемы и функции.

и за счёт связи подсистем между собой: «Эти процессы всегда были составной частью процесса капиталистической модернизации; исторически они успешно преодолевали защитные барьеры затрагиваемых ими сфер в тех случаях, когда речь шла о перемещении материального воспроизводства жизненного мира в формально организованные сферы действия» [17, с. 132]. «Жизненный мир» Хабермаса противостоит системе. Пространство мыслей, чувств, переживаний, быта и досуга, в котором выстраиваются целостные представления человека об окружающей его действительности и о мире в целом, всегда было, по мнению учёного, частным, неприкосновенным, независимым.

Хабермас полагал, что символическое воспроизводство жизненного мира дольше всех удерживает линию фронта между собой и системой. Однако и этот бастион преодолевается посредством фрагментации сознания, которая не даёт возможности человеку создать целостную картину мира: «Только таким образом выполняются условия *колонизации жизненного мира*: императивы автономных подсистем, сбросив идеологические покровы, завоёвывают, подобно колонизаторам, пришедшим в первобытное общество, жизненный мир извне и навязывают ему процесс ассимиляции. При этом рассеянные осколки культуры периферии не складываются в целостную картину, позволяющую ясно представить сущность игры, в которой участвуют метрополии и мировой рынок» [17, с. 136].

Происходит, таким образом, процесс «менеджеризации» социума, превращение в систему управления всех сфер его жизнедеятельности, а значит их подчинение системным требованиям. Подчеркнём, что в данном случае речь идёт о системе с определёнными (предписанными), жёстко зафиксированными функциями и формализованными взаимодействиями.

Жак Эллюль, концепция которого подробно анализируется ниже, рассматривает схематизацию социальных отношений, вымывание из них культурных составляющих как наиболее серьёзную угрозу свободе человека, и даже его человеческой, социальной природе. Отметим, что алармизм – понятие оценочное. Ф. Фукуяма, к примеру, практически не расходится в своих выводах с наблюдениями С. Лэша и обобщениями Ж. Эллюля, однако принимает данное направление развития общества как в гегелевском смысле разумное, то есть объективно обусловленное, закономерное и неизбежное. Тем не менее, различия между трактовками происходящих изменений разными учёными не сводимы к их одобрению или отрицанию. Эти различия содержательны и едва ли не радикальны, а, следовательно, их рассмотрение и сопоставление важно для понимания реального положения вещей.

По определению Ю. Хабермаса, происходит колонизация системой всего пространства жизнедеятельности общества за счёт расширения формально организованных сфер действий и за счёт связи подсистем между собой.

От системы управления к системе технологий

Господство технологий в настоящее время есть факт очевидный на уровне бытового сознания, а термин «технология» используется применительно к любой деятельности человека. Ж. Эллюль в отличие от Ю. Хабермаса считал успешным колонизатором не систему, но технологии. По его мнению, социум в эпоху постмодерна превращается в технологическую систему и отличия её от системы управления времён модернити, породившей холодный мир системных теорий, существенны, если не радикальны.

Технология как чётко определённая последовательность операций, направленная на достижение какой-либо цели, возникла вместе с человеком разумным. Изготовление и использование палки-копалки, добыча огня трением и прочее являются технологиями, равно как обряды и ритуалы. Технология развивалась вместе с развитием производства. Её определение как совокупности способов обработки и переработки сырья и материалов, предполагающих строгую последовательность операций, одинаково подходит для мануфактуры и для современного предприятия.

Разница между прошлым и настоящим заключается в роли технологии, которая на определённом этапе развития промышленности становится доминирующей. Машина долго оставалась воплощением производительных сил Нового времени, его символом. Луддиты заблуждались относительно своего главного врага, но их наивность была объективно обусловлена реальной значимостью машины в процессе труда. Во второй половине XX в. главным становится не механизм, но последовательность действий, соединяющая все узкоспециализированные элементы в единый производственный процесс, то есть технология. При этом простое действие работника парадоксальным образом приобретает гораздо большую значимость, чем труд мастера, производящего достаточно сложные операции на старых станках. Ошибка мастера приводит к остановке всего лишь одной машины, ошибка оператора – к разрушению всей технологической цепочки. Это означает, что операция должна выполняться чётко и одним единственным, строго определённым способом. Для человека технология есть пошаговая инструкция, от которой он не может отступить. Норма, стандарт или правило могут быть лишь ограничительными рамками. Инструкция определяет каждое движение, не допуская отклонений. Действия субъекта (человека, бригады, департамента, любой структуры) запрограммированы точно так же, как запрограммированы действия компьютера.

Ж. Эллюль в отличие от Ю. Хабермаса считал успешным колонизатором не систему, но технологии. По его мнению, социум в эпоху постмодерна превращается в технологическую систему, и отличия её от системы управления времён модернити существенны, если не радикальны.

Технологические цепочки взаимосвязаны, соединяются между собой в системы, а в итоге вся сфера промышленного производства трансформируется в технологическую систему, точнее – в систему технологий, состоящую из множества переплетённых между собой процедур. В этой системе снижается роль централизованного управления, когда принятие решений и контроль за их исполнением требуют единого управляющего. Потребность в иерархии также ослабевает, поскольку технология определяет последовательность действий заранее. Ярким примером неиерархичности технологий может быть организация акций в социальных сетях интернет [см.: 18]. В них отсутствует лидер, по крайней мере, отсутствует на месте осуществления разнообразных флэш-монов: каждый из участников знает, какие действия и в какой последовательности он должен исполнять.

Эта новая, гибкая система, схожая по своей сложности скорее с организмом, нежели с механизмом, требует обмена информацией в больших объёмах для выполнения множества переплетающихся, взаимосвязанных программ. Информация должна быть автоматизирована и децентрализована, что сделало неизбежным появление и внедрение компьютера, предназначенного для того, чтобы связывать между собой множество ранее разрозненных технологических subsystem. В итоге возникает удивительный феномен информационного, постиндустриального общества, которое при этом не перестаёт быть потребительским.

Особенность технологии в её экспансионистском характере: технологическая система стремительно превращается в систему тотальную, включающую в себя области человеческой деятельности, находящейся далеко за её пределами: «Проблема заключается в том, что технологическая специализация ведёт за собой тотализацию. Сведение каждого целостного действия к серии простых операций, неограниченный рост приложения технологий, у которого нет причин останавливаться, принесут дисперсную, дикую бессвязность, если одновременно не произойдёт соединение всех фрагментированных технологий. Это соединение создаёт тотализацию технологических операций, охватывающую все технологии, содержащиеся во всех сферах жизни и деятельности. Возникает ансамбль, стремящийся к целостности. Таким образом, тотализация – это обратная сторона специализации» [19, с. 200].

Технологии в результате проникают и в хабермасовское символическое воспроизводство жизненного мира, интегрируя его в тотальную технологическую систему. Именно технология становится источником фрагментации сознания, так как строится на глубокой специализации любой деятельности человека, включая творческую и исследовательскую.

Особенность технологии в её экспансионистском характере: технологическая система стремительно превращается в систему тотальную, включающую в себя области человеческой деятельности, находящейся далеко за её пределами.

Социальная самоорганизация, то есть процесс формирования структур гражданского общества, также становится технологической. Она осуществляется в соответствии с определённым набором технологий и формулирует свой опыт как технологию, то есть как заданную последовательность шагов. Разумеется, обмен опытом всегда означал передачу некоторого алгоритма действий, но ранее, до наступления эры технологий, этот алгоритм требовал осмысления и сопоставления множества параметров, условий, ситуаций. Чужой опыт был скорее информацией к размышлению. В эпоху технологий опыт становится ещё одной пошаговой инструкцией, алгоритмом в его почти математическом виде, очищенном от социального и культурного содержания.

В настоящее время словосочетание «технологии действий» общественных организаций стало устойчивым, не требующим дополнительных объяснений, равно как и «политические технологии». Самоорганизация, таким образом, сводится к набору легко тиражируемых процедур, обеспечивающих и регулирующих её спонтанность. Она становится предметом социологии управления, ранее занимавшейся анализом систем, содержащих субъект управления, каковым являлось государство или компания. Редукционизм является имманентным свойством технологической экспансии эпохи постмодерна, проникающей во все сферы жизнедеятельности общества, включая самые интимные¹.

Колонизация технологиями бытовой сферы не сводится к наполнению её многообразными устройствами, облегчающими жизнь человека и обеспечивающими его комфорт, или множеством гаджетов, позволяющих занять свободное время, и т. п. Использование всех этих устройств основано на инструкции, а, следовательно, оно дополняет и расширяет запрограммированное пространство жизнедеятельности человека. Опять же можно утверждать, что последовательность действий крестьянина была также задана сельскохозяйственными и природными циклами, что дойка коровы на рассвете и на закате, весенняя посевная и т. п. суть элементы программы. Разница заключается в том, что действия человека, зависящего от природной среды, не могли быть запрограммированы целиком и полностью, поскольку в ней неизбежны неожиданности, которые невозможно предусмотреть. Чтобы противостоять им, необходимы не пошаговые инструкции, но опыт, знание, интуиция, всё, что невозможно свести к чётко определённому набору действий. Насыщенность жизненной среды человека новейшими технологиями требует лишь стро-

¹ Ж. Эллюль: «Мы публикуем пособия, как научить «делать любовь», с диаграммами и инструкциями. Секс редуцирован до смешного ассортимента механических процедур» [19, с. 174].

того исполнения инструкций, их сложность иллюзорна, обусловлена скорее числом программ и действий, неизвестных параметров в них не содержится.

Результатом технологической экспансии становится запрограммированная среда всей жизнедеятельности человека. Это означает, что он более не должен принимать решения в неожиданной для него ситуации, он также не должен изменять природу, чтобы жить и создавать хотя бы минимальный комфорт. Он свободен от множества ограничений и зависимостей традиционного общества. В то же время его независимость, свобода действий, необходимость и потребность в знаниях и рефлексии в такой среде не очевидны. Очевидно, однако, что реальность, которую обозначают все перечисленные категории, должна каким-то образом измениться.

Человек в технологической среде: особенности рефлексии, свободы и идентичности

Согласно концепции Ж. Эллюля, любая система, в которой доминирует технология, обладает автоматизмом, обеспечивающем её саморазвитие (самоувеличение). Внутренняя логика воспроизводства любой технологической системы заключается в том, что внедрение новых технологий осуществляется в соответствии с выбором, сделанным предыдущими технологиями. Отклонить её результаты невозможно, или, по крайней мере, очень сложно. Человек, являясь обязательной и неотъемлемой составляющей этой системы, участвует в её развитии, но его роль не является творческой. Его действия обусловлены, детерминированы и предопределены. Человек может выбирать лучшую технологию, но выбор диктуется результатами предшествующего развития, оценкой их эффективности, низкостратности и т. п. Более того, сама оценка предшествующего развития технологична, так как не только её критерии, но и её шаги определены.

Отметим, что пусковой механизм экспансии и автоматическое расширение технологий в рассматриваемом нами случае не имеет решающего значения. Можно абстрагироваться от влияния на экспансию технологий формирования потребительского общества или, к примеру, развёртывания марксова диалектического единства производительных сил и производственных отношений. Для нашего анализа важен вывод Эллюля о том, что качественно новым элементом развития данного противоречивого единства является технология, порождающая технологию. Это означает, что ответ общества на проблемы любого происхождения будет очередной технологией.

Внутренняя логика воспроизводства любой технологической системы заключается в том, что внедрение новых технологий осуществляется в соответствии с выбором, сделанным предыдущими технологиями. Отклонить её результаты невозможно, или, по крайней мере, очень сложно.

Этот процесс радикально меняет сущность категории «рефлексия», которая, в сочетании с понятиями информации и знания, содержится во многих определениях современной стадии модернизации. Постмодерн характеризовался как информационное общество, экономика знания и, наконец, как рефлексивная модернизация. Согласно Э. Гидденсу, она понимается как постоянное переосмысление, переоценка и соответствующая трансформация всех институтов модерни [см.: 20]. Рефлексия, по Гидденсу, перестала быть уделом избранных социальных групп, в неё вовлечены практически все субъекты современного общества.

Отметим, что для наших соотечественников вне зависимости от того, учёный он или простой обыватель, до сих пор категория «рефлексия» связана с осмыслением, рассуждением и пониманием её предмета, знанием внутреннего устройства последнего. Но технология предъявляет к рефлексии несколько иные требования. В технологической системе главным становится минимизация риска ошибки со стороны оператора (неважно, является ли он рабочим, управляющим, программистом). От точности исполнения его функции зависит работа всей технологической цепочки, а в итоге и системы в целом. Рефлексия в этом процессе более чем неуместна, она опасна, поскольку увеличивает риск неверного соблюдения или несоблюдения инструкции. Обучение работника направлено на заучивание и выполнение элементов определённого алгоритма и мало чем отличается от программирования компьютера. Требования к образованию, которые предъявляет такой тип организации труда вне зависимости от сферы деятельности, достаточно очевидны. Высококвалифицированный специалист должен знать всю технологическую цепочку или уметь выбирать между технологиями (точнее, владеть технологией выбора).

Рефлексия данного вида бинарна и дискретна, она строится на утверждениях, а не на объяснениях причинно-следственных связей, каждый её шаг требует выбора между «да» или «нет» и полностью исключает диалектику, предполагающую союз «и» между ними. Поначалу, она охватывает производство и управление, точнее цикл менеджмента, который состоит из планирования, реализации и оценки результатов. Собственно выявленная Э. Гидденсом рефлексивность по поводу всего нового и по поводу самой рефлексии есть не более чем оценка эффективности функционирования технологии. В этом смысле она действительно тотальна и всеобъемлюща.

Такая же сущностная трансформация происходит и с категорией свободы. Позиция субъекта в любой технологической системе детерминирована уже по причине крайне узкой специализации его деятельности. Свобода от личной и экономической зависимости, свобода выбора (политического и потре-

Собственно выявленная Э. Гидденсом рефлексивность по поводу всего нового и по поводу самой рефлексии есть не более чем оценка эффективности функционирования технологии.

бительского), свобода принятия решений, свобода в любом варианте предполагала наличие институциональных ограничений (норм, правил, процедур, и т. п.). Но эти ограничения оставались, во-первых, внешними по отношению к субъекту, во-вторых, действовали внутри определённой (экономической, социальной, политической) системы, за её пределами субъект им не подчинялся.

Действия субъекта в технологическом обществе требуют чёткого владения инструкцией. Нужно отметить, что интериоризация внешних правил возникла, по крайней мере, вместе с человеческим обществом, однако технология меняет роль этого механизма, программируя его выбор и принятие решений: «Формальные институты власти в западном обществе связаны большим количеством ограничений, и это даёт человеку ощущение «свободы» от всякого внешнего контроля. На самом деле контроль осуществляется по-прежнему, он даже усиливается, так как теперь человек контролируется не «снаружи», но «изнутри», он как бы запрограммирован всем своим воспитанием на следование тем или иным правилам поведения. В результате, если против внешнего контроля почти всегда, рано или поздно, происходит восстание, то внутренняя несвобода, как правило, не осознаётся» [21, с. 43-44]. Формальные институты в политической сфере призваны обеспечить свободу выбора и контроль над властью: «Альтернативой непрекращающейся борьбе за власть и случайному выбору диктатора являются всё более формализуемые и институционализированные процедуры выбора новых лидеров и правила проверки. Если такие процедуры смены лидера существуют, то авторы плохой политики могут быть устранены от власти без свержения самой системы» [22, с. 539]. Однако итог их эволюции от нормы к технологии выборов противоположен. «Плохого» политика уже невозможно определить, тем более что запрограммированный характер рефлексии ограничивает возможности критической оценки.

Но если утрата свободы всё-таки ощущалась людьми, сформировавшимися в иную эпоху, то её причина была неочевидна ещё в большей степени, чем причина утраты рабочих мест во времена луддитов. Гибкая и децентрализованная технологическая система скрывает саму системность, так как обнаружить строгую функциональность во множестве разнообразных организаций, структур и взаимодействий в кажущейся хаотичности их проявлений крайне сложно.

Технологическая система, описанная Ж. Эллюлем, выглядит непобедимой, она развивается, поглощая всё новые пространства, не оставляя субъекту выбора иной модели развития и ликвидируя или маргинализируя критическую рефлексию с её альтернативными версиями модернизации. В интерпретации Фрэнсиса Фукуямы это общество конца истории, то

Гибкая и децентрализованная технологическая система скрывает саму системность, так как обнаружить строгую функциональность во множестве разнообразных организаций, структур и взаимодействий в кажущейся хаотичности их проявлений крайне сложно.

есть, нравится это кому-либо или нет, это самый совершенный из существовавших в истории миров [см.: 22, с. 539]. В нём отсутствуют противоречия, которые являются источником развития и исторических перемен. Новая система децентрализована, гибка, саморегулируема, адаптивна и т. п.

Однако анализ теорий среднего уровня и прикладных исследований технологической системы выявляет лежащее в её основании противоречие, которое ставит под сомнение финальное запрограммированное «совершенство» нового мира и возможность конца истории.

В 1980-е гг. американский социолог Ч. Перроу, специализирующийся на социологии организаций и исследованиях в области науки и технологии, произвёл детальный анализ ряда аварий, включая аварию на американской атомной станции Три Майл Айленд в 1973 г., и пришёл к заключению, что виновником катастроф являются сложные технологии как таковые. Системная авария в сложных технологических системах неизбежна, непредсказуема, её вероятность невозможно просчитать, так как она всегда существует в силу нелинейного сочетания элементов системы. Любое её усложнение, в том числе за счёт технологий минимизации риска аварии, приводит к повышению вероятности этой аварии, развитие технологий безопасности неизбежно увеличивает опасность.

Ч. Перроу на основе достаточно частного, прикладного анализа катастроф в промышленных системах формулирует противоречие, выходящее, с нашей точки зрения, за рамки отраслевого исследования: «Системы высокого риска имеют двойное пенальти: поскольку системная авария происходит по причине загадочного взаимодействия сбоя, оператор, работающий в системе, должен быть способен принимать самостоятельные и подчас творческие решения. Но поскольку элементы системы тесно связаны друг с другом, контроль над действиями оператора должен быть централизован, так как у него слишком мало времени для того, чтобы проверять всё и знать, что происходит в других частях системы. Оператор должен выполнять собственные обязанности; плотная взаимосвязь означает жёстко предписанные шаги, последовательность которых не может быть изменена. Но система не может быть децентрализована и централизована одновременно, в этом случае мы будем иметь организационного Тяни-Толкая из историй о докторе Дуллитле, который пытается идти в противоположные стороны» [23, с. 10].

Ульрих Бек выводит понятие системной аварии за узкие рамки функционирования промышленных технологических систем, определив современное общество как общество риска, являющегося всеобщим, непредсказуемым и некалькулируемым [см.: 24]. Риск требует от общества управляемости и прозрачности, то есть, требует усиления программируемости всего

Системная авария в сложных технологических системах неизбежна, непредсказуема, её вероятность невозможно просчитать, так как она всегда существует в силу нелинейного сочетания элементов системы.

У. Бек выводит понятие системной аварии за узкие рамки функционирования промышленных технологических систем, определив современное общество как общество риска, являющегося всеобщим, непредсказуемым и некалькулируемым. Риск требует от общества управляемости и прозрачности, то есть, усиления программируемости всего общества и действий отдельного субъекта.

общества и действий отдельного субъекта, когда в условиях неизбежной катастрофы нужны будут иные качества. «Двойное пенальти» Перроу воспроизводится, таким образом, на уровне социума в целом.

Упрощение субъекта деятельности (индивидуального и коллективного) как наиболее сложного и непредсказуемого элемента системы логично, но тогда не будет и того, кто способен принимать творческие решения. Эта проблема компенсируется децентрализацией и увеличением гибкости системы, которая осуществляется посредством усложнения программ действий и взаимодействий, а в обществе в целом также и посредством включения в неё процессов самоорганизации, программированием действий ранее независимых субъектов. Однако проблема заключается в том, что катастрофическое развитие событий не поддаётся программированию, оно по определению непредсказуемо и некалькулируемо, следовательно, умножение и усложнение инструкций не позволит решить проблему, которая, в свою очередь, не поддаётся интерпретации в рамках бинарной рефлексии, использующей готовые программные элементы.

Эволюция актора от Турена до Лятура

Акционистский подход Алана Турена был создан на основе анализа новых социальных движений, возникших в 1960-е гг. Вне зависимости от версий происхождения «феномена шестидесятых» этот период является признанным временем перемен, институциональных и ценностных [см.: 14, с. 567 и далее], а изменение правил, ролей и функций означает свободу от них хотя бы на короткий срок. Теория Турена не была системной. Социальная целостность в ней представлена как результат взаимодействия свободных субъектов, она формируется в результате их конфликта и взаимодействия, она не определяет позиции субъектов и не доминирует над ними [см.: 12].

Субъект является актором, изменяющим своими действиями окружающий его мир в соответствии с собственными ценностями, знаниями и идеями. Объектом анализа в акционистской концепции А. Турена становится формирование исторического действия, то есть способа, которым люди делают свою историю, включая социальные конфликты и борьбу за власть, социальные факторы, подавляющие и порождающие социальные движения, и т. п. Акционизм даёт возможность получить представление не о характеристиках системы и их влиянии на субъекта, но о нём самом. Его сущность заключается в стремлении индивидуума и коллектива быть действу-

Объект анализа в акционистской концепции А. Турена – формирование исторического действия, то есть способа, которым люди делают свою историю, включая социальные конфликты и борьбу за власть, социальные факторы, подавляющие и порождающие социальные движения, и т. п. Акционизм даёт возможность получить представление не о характеристиках системы и их влиянии на субъекта, но о нём самом.

ющим лицом, субъективация есть не что иное, как желание индивидуализации. Она имеет место и в случае коллективного актора, каковым является социальное движение.

Свойства туреновского субъекта заключаются в том, что он «более ценит научное знание по сравнению с мнениями и слухами, инновацию и инвестицию – по сравнению с рутинной, добро – по сравнению с общественными соглашениями». Согласно акционистской теории, главной характеристикой субъекта является критическое отношение к реальности, готовность её изменять [см.: 12, с. 17].

Движение или иное объединение граждан рассматривается не как структура, но как обладающий ценностями, знаниями, идеями, творческим потенциалом субъект, действующий осмысленно, в соответствии со своими идеями преобразования реальности. А. Турен полагает, что эти акторы ориентированы в основном на защиту свободы, обеспечение безопасности и человеческого достоинства. Субъект, по Турену, готовит для себя возможности создавать или поддерживать собственные формы социальной жизни, благоприятные для его утверждения, но признавая при этом и права других субъектов.

Однако туреновский актор-шестидесятник к началу нового столетия трансформируется почти до неузнаваемости. Процессы глобализации заставляют социологов сфокусировать внимание на их анализе. Возникают теоретические интерпретации глобализации как потоков и сетей, то есть как движения капитала, информации, рабочей силы, сырья и пр. При этом потоки движутся подобно круговороту воды в природе, поскольку концепции не содержат объяснения механизмов течения, оставляя их за рамками теоретического обобщения. Люди лишь обслуживают, регулируют (но не формируют, не направляют или изменяют) движение потоков. Глобальное управление обеспечивает всю систему правилами и стандартами и осуществляется автоматически [см.: 25].

Глобализация, как было показано выше, одновременно означает новый уровень экспансии технологической системы. Выводы Ж. Эллюля подтверждаются теорией глобальных потоков и сетей М. Кастельса и Дж. Ури. Последний определяет социальную реальность как некоего киборга, в котором социальный мир тесно и неотделимо переплетён с миром материальным [см.: 26, 27]. В этом глобальном переплетении течений, сетей, узлов более не имеет значения государство. Субъектность перешла от него к структурам, аттракторам и циклам. Независимый, способный менять окружающий его мир актор также исчезает. Голландские социологи в начале XXI в. обозначили этот процесс как «смерть актора». Его место занимает агент, задача которого качественно обслуживать потоки, снижая, по возможности, связанные с ними риски и повышая эффективность их течения [см.: 25]. Джон

Глобализация означает новый уровень экспансии технологической системы. Дж. Ури определяет социальную реальность как некоего киборга, в котором социальный мир тесно и неотделимо переплетён с миром материальным. В этом глобальном контексте более не имеет значения государство. Субъектность перешла от него к структурам, аттракторам и циклам. Независимый, способный менять окружающий его мир актор также исчезает.

Ури сформулировал своего киборга на основании концепции акторских сетей (ANT – actor network theory), предложенной в конце 1980-х гг. Бруно Лятуром и Мишелем Каллоном [см.: 28, 29]. Особую популярность ANT приобрела в начале нового столетия и не утратила её по сей день. Как и теория Ж. Эллюля, данная концепция сформулирована в рамках исследований науки и технологии, но претендует на более фундаментальный статус концепции, соединяющей людей и весь прочий мир в единое целое (единый ансамбль). Она также декларирует объединение гуманитарных и естественных наук, коль скоро их объекты оказались в неразрывной связи друг с другом. Действительно, в качестве теоретического основания концепции сетей и потоков Дж. Ури, ANT получает этот глобальный статус. Более того, в последнее десятилетие теория используется в достаточно широком диапазоне исследований, например для изучения воспитания ценностей космополитизма в глобальном масштабе [см.: 30, с. 33 и далее], в исследованиях организации и управления, для анализа рынка, и т. п.

Она рассматривается и как экологическая концепция человека в его искусственной и естественной средах, которые в индустриальной цивилизации являются единым целым [см.: 31, с. 111-133]. Если новая экологическая парадигма полагала человека равным всем прочим биологическим видам, то концепция Лятура уравнивает его в правах с нечеловеческими объектами вообще, включёнными в технологическую цепочку: «машина, следовательно, может рассматриваться как имеющая такую же степень субъектности, как и человек. К примеру, ANT была использована для анализа того, как безопасность рабочего места создаётся посредством соединения бюрократических правил, бетономешалок, рабочих и инспекторов» [см.: 32, с. 612].

Обоснование равной субъектности человека и не-человека у самого Лятура выглядит эпатажем, логической шуткой, если не откровенной демагогией: «Вещи, стулья, кошки, коврики и чёрные дыры никогда не требуют признания своего существования очевидным, люди иногда это делают... Так что абсурдно противостоять «отношению к людям как к объектам». Сложность просто добавляется к сложности. Человек в этом случае не «опускается», но повышается до уровня муравья, шимпанзе, щепки и частицы!» [см.: 28, с. 255].

Однако важна не аргументация самого Лятура, но тот факт, что его концепция принята и признана научным сообществом. Причина этого, с нашей точки зрения, в действительном уравнивании функций всех элементов технологии, а также в минимизации содержания труда. Не имеет значения, кто его исполняет, важно, чтобы работник и инспектор осуществляли предписанные им операции, раздумывая над ними не больше,

Концепция Лятура уравнивает человека в правах с нечеловеческими объектами, включёнными в технологическую цепочку. Важно, что его концепция принята и признана научным сообществом. Причина этого в действительном уравнивании функций всех элементов технологии, а также в минимизации содержания труда.

чем бетономешалка, как и она не отклонялись бы от заданной последовательности действий. Сложность мира заключается лишь в сложности и многоуровневости комбинаций людей, средств и предметов их труда, а также способов их организации, коммуникации между ними и т. п.

Деятельность как таковая перестаёт быть деятельностью человека, у неё много субъектов. Не должно быть приоритета у институционального, концептуального, натурального или материального. Поэтому спорные философско-религиозные метафоры «возвышения человека до муравья» не имеют значения в принципе. Важна лишь зафиксированная и признанная утеря доминирующей, лидирующей роли человеческого субъекта в любом процессе. Провозглашённое А. Туреном освобождение человеческой способности к творчеству, в сложных ансамблях и комплексах Лятура оказывается существенно ограниченными функциями («потребностями») инструментов и предметов.

По сути, теория акторских сетей представляет собой интерпретацию технологической экспансии с позиции включённого в технологическую систему наблюдателя. Рост её популярности в последнее десятилетие подтверждает выводы и Эллюля, и Лятура, которые в конце 1980-х носили скорее футурологический характер. Фантасты, предрекавшие освобождение искусственного интеллекта и бунт умных машин, ошиблись. Реальностью стал технологический киборг Дж. Ури, в котором человек и машина выполняют одинаково ограниченные функции, естественный интеллект приближен к искусственному по программируемому характеру рефлексии, и ни один из этих субъектов не способен к восстанию.

От ценности к норме

Согласно акционистскому подходу, действия актора гражданского общества основаны на его интересах и ценностях. Субъект любой управленческой системы должен руководствоваться инструкциями, приказами, технологиями, правилами, то есть нормативными и внешними по отношению к субъекту регуляторами и ограничителями. Поэтому для анализа деятельности профессионала, который одновременно является действующим субъектом, важно выявить соотношение между нормами и ценностями, а значит определить и разграничить эти категории. Отметим сразу, что чётко зафиксированных различий между ними в разных концепциях не просматривается. Например, Н. И. Лапин использует определение М. Вебера, согласно которому ценности и нормы практически тождественны: ценности представляют собой обобщённые цели и средства их достижения, выполняющие роль фундаментальных норм поведения человека в обществе [см.: 33].

Научная интерпретация ценностей изменялась в достаточно широком диапазоне: от значимости материального блага для его потребителя до высших целей социального действия. Общепринятой является предложенная Н. Смелзером и А. Гидденсом трактовка ценностей как идеальных целей и принципов, способов их достижения или реализации, детерминированных культурой или являющихся её элементами¹. Нормы, в соответствии с данным определением, это правила, предписывающие или запрещающие определённый тип поведения, их действие обеспечивается различного рода санкциями. Нормы интерпретируются как производная от системы ценностей [см.: 34, с. 50]. Согласно определению Гидденса, ценность есть абстрактный идеал, а норма определяет конкретно, что можно, а что нельзя [см.: 35, с. 34]. Таким образом, провести чёткую границу между ценностью и нормой, основываясь на их теоретических интерпретациях, сложно. Причины этого в неопределённости самих ценностей, множественности социокультурных составляющих, не поддающихся измерению. Несколько проще обстоят дела с нормой, зафиксированной законом или обычаем. Писаное или неписаное правило (закон, ритуал, технология и т. п.) в отличие от ценности легко детектируемо.

Существующие концепции дают возможность рассматривать ценности как интериоризированные принципы или цели, воспринимаемые каждым индивидом как собственные. Процесс интериоризации требует понимания, аргументации, эмоционального участия.

Норма в любой своей форме не нуждается в осмыслении, её можно и нужно выучить и следовать ей, не задумываясь, а потому она так и остаётся внешней по отношению к субъекту. Внешние регуляторы формируются социумом как раз для тех ситуаций, когда эмоциональное восприятие или рациональное осмысление по каким-либо причинам излишни. Ценность и нормы традиционно рассматриваются как части, а точнее, как составляющие культуры, которая из них и складывается. Но есть норма, сформированная культурой, и есть норма управленческая, регулирующая, к примеру, процессы производства, безопасность дорожного движения или использования электроприборов. С культурой она связана опосредованно.

В связи с описанной выше колонизацией пространства жизнедеятельности общества системой, по Ю. Хабермасу, или технологиями, по Ж. Эллюлю, происходит процесс распространения именно управленческих и технологических норм, а также вытеснения ими ценностей как интериоризированных принципов и целей.

¹ «Ценности – это общепринятые убеждения относительно целей, к которым человек должен стремиться. Они составляют основу нравственных принципов...» [34, с. 50]; «... Идеи, которые разделяют индивиды или группы, о желаемом, плохом или хорошем. Различные ценности представляют ключевые аспекты различий между культурами. На ценности влияют специфические культуры, в которых человек живёт» [35, с. 586].

Поскольку предметом нашего анализа являются ценности актора-профессионала, необходимо обратиться к более узким определениям ценностей и норм в рамках теории профессий. Интерпретация профессиональных ценностей также варьируется в широком диапазоне, и в её изменениях просматривается ярко выраженная тенденция, связанная с исчезновением этической составляющей профессий и упрощением самого труда.

Так, в первой половине двадцатого века профессионалов рассматривали как социальную группу, обладающую фундаментальными знаниями, а также ценностями, которые включают в себя служение обществу и ответственность перед ним, альтруизм и т. п. [см.: 36, 37]. По мнению С. Бринта, профессиональный статус определялся в равной мере этической и общественной ответственностью и специальными знаниями. Однако уже Т. Парсонс определяет этику как институциональные, то есть нормативные ограничения эгоизма: «Эгоистический интерес типичного индивида в целом обуздан необходимостью поддерживать институциональный кодекс, который господствует в его профессиональной сфере» [38, с. 347]. В настоящее время статус профессионалов характеризуется лишь набором знаний и навыков, а также их товарными качествами, включая конкурентоспособность [см.: 39].

Кроме того, основной проблемой для квалифицированных специалистов становится удержание баланса между «универсализацией» труда, в смысле его сведения к ряду простых, общедоступных операций, и уникальностью, обеспечивающей его творческий характер. Первое неизбежно ведёт к депрофессионализации, к деградации профессии к парапрофессиональному уровню, что уже произошло с инженерным делом [см.: 37].

Напомним, что теории формировались и изменялись по мере развития индустриального общества и в соответствии с его реалиями, в частности с описанным выше углублением разделения труда и сведением его к простым операциям. Значительную роль в этом процесс играют рыночные требования прозрачности предоставляемой профессионалами услуги и контроле за качеством их работы со стороны потребителя, который не имеет соответствующих знаний, следовательно, выполняемые операции должны быть простыми и доступными [см.: 40].

В профессиональной сфере норма (стандарт, регламент, должностная инструкция) есть ключевой элемент управления. Тем не менее, понятие профессиональных ценностей широко используется в менеджменте, а корпорации создают собственные этические кодексы. Однако их анализ показывает, что данные ценности представляют собой скорее набор предписаний, направленных на обеспечение прозрачности и эффективности

работы сотрудников, на ограничение их финансовых интересов, если они могут нанести ущерб корпорации. Например, этический кодекс Royal Dutch Shell предписывает отказ от подарков третьих сторон, при этом детально перечислены возможные исключения. От сотрудника также требуется предоставлять полную, аккуратную и ясную информацию в соответствии с его обязанностями и т. п. [41]. Таким образом, регуляторы труда современных западных профессионалов остаются внешними, даже в том случае, если они их выучили наизусть.

Подчеркнём, что между профессиональной сферой и всем прочим обществом, включая гражданское, есть существенное различие. Процесс вытеснения культуры технологией, а ценностей – технологическими же нормами, в последнем случае есть тенденция. Профессионально-управленческая сфера всегда была жёстко функциональной системой, менялся лишь уровень её гибкости и сложности. Процессы окончательного вытеснения ценностей и их замена нормами здесь также имеют более явную и завершённую форму.

В этой связи важным представляется определение культуры как совокупности ценностей и основанных на них норм, знаний и верований, образцов и результатов человеческой деятельности. Это даёт возможность интерпретировать ценность именно как часть культуры и отделить её от управления и технологии.

Уточнение категорий

Концепция господства технологий Эллюля, акционизм Турена, методология превращения бетономешалки в актёра Лятура и многие другие популярные ныне или считающиеся устаревшими теории появились едва ли не одновременно, во всяком случае, в достаточно короткий отрезок времени, начавшийся примерно со второй половины 1970-х и продолжавшийся почти до конца 1980-х гг. Это было время глубокой, но ещё не завершённой, трансформации общества, встраивавшего в себя новые социальные и контр-культурные движения и предлагаемые ими ценности. Одновременно происходило его превращение в общество всеобщего риска, развитие технологий вышло за рамки непосредственно производственных процессов, капиталистическая система усложнялась и укреплялась, предпочитая называться системой рыночной и бесклассовой. Противоречивые социологические концепции отразили разнообразие противоречивых и разнонаправленных тенденций, поэтому выбирать теорию, единственно подходящую для нашего исследования, не имеет смысла. Необходимо уточнить ряд категорий и определений на основании предложенных ими трактовок субъекта и системы.

Важным представляется определение культуры как совокупности ценностей и основанных на них норм, знаний и верований, образцов и результатов человеческой деятельности. Это даёт возможность интерпретировать ценность именно как часть культуры и отделить её от управления и технологии.

Система

Интерпретация любой целостности как системы в данном конкретном случае не удовлетворительна, так как лишает данное понятие объяснительной силы. Поэтому под системой мы будем иметь в виду целое, в котором действия субъекта заданы его функциями и регулируются нормами. Норма (опять же в данном случае) означает любой внешний по отношению к субъекту регулятор: правило, приказ, стандарт, пошаговую инструкцию и т. п.

Несистемная социальная целостность создаётся, согласно А. Турену, в результате действий акторов, в том числе и конфликтных, которые стремятся выстроить её в соответствии с собственными целями, интересами и ценностями. Эта деятельность направляется и регулируется ценностями, которые понимаются здесь как интериоризированные принципы, цели, идеалы, эмоционально прочувствованные и осмысленные.

Очевидно, что идеально «чистой» социальной системы не существует, как нет и полностью «акторского» социума. Можно предположить, что степень «системности», в нашем случае, определяется степенью функциональности и нормативности действий субъекта. Системность будет максимально высока в технологических системах управления и значительно ниже в гражданском обществе. Целостность, следовательно, обладает одновременно системными и несистемными свойствами.

Колонизация системой или колонизация технологией всего общества увеличивает системные свойства всех сфер его жизнедеятельности. Процесс колонизации рассматривается в связи с высоким разделением труда и его последствиями. Мы намеренно абстрагируемся от социально-экономических причин и механизмов углубления разделения труда, на который указывал Ю. Хабермас, когда говорил об «игре монополий». Деятельность актора-профессионала связана непосредственно с характером его труда, это позволяет на данном этапе и в рамках конкретного исследования отвлечься от отношений, связанных с самовозрастанием стоимости.

«Противоречие оператора» Ч. Перроу применительно к обществу можно сформулировать как противоречие между актором, действующим в соответствии с собственными ценностями, и агентом, обслуживающим систему. Противоречие между агентом и актором разрешается в условиях всеобщего риска и высокого разделения труда посредством формирования сложной и гибкой технологической системы, которая легко колонизирует общество в силу своей децентрализованности, способности к саморегулированию, имитирующему самоорганизацию. Тем не менее, траектория развития субъекта выглядит сложнее, нежели растянутая во времени трансформация актора в агента. Можно выделить, по крайней мере, три её этапа.

Под системой имеется в виду целое, в котором действия субъекта заданы его функциями и регулируются нормами. Норма в нашем случае означает любой внешний по отношению к субъекту регулятор: правило, приказ, стандарт, пошаговую инструкцию и т. п.

Несистемная социальная целостность создаётся в результате действий акторов, которые стремятся выстроить её в соответствии с собственными целями, интересами и ценностями.

Первый этап

Субъект времён господства в профессионально-управленческой сфере классической централизованной и иерархической системы. Между пространством, в котором действуют профессионалы и менеджеры, и всем остальным обществом существует почти непроницаемая, по мнению учёных, граница. Субъект является большей частью агентом непосредственно при исполнении профессиональных обязанностей, но становится свободным актором уже в сфере трудовых отношений, защищая свои интересы перед работодателем. Тем не менее, хабермасовская колонизация общества системой уже началась. Свободный субъект рассматривается как набор различных ролей, либо как абстрактный «человек», обладающий неистощимой жаждой потреблять и бесконечно рациональный. Идёт интенсивный и противоречивый процесс создания ограничивающих свободу субъекта правил и норм, которые в то же самое время призваны обеспечить свободу политического и экономического выбора. Свобода этого субъекта является той самой, институционально ограниченной свободой, которую принято противопоставлять российской воле.

Второй этап

Актор эпохи институциональных перемен – независимый, ответственный, творческий и созидающий социальную реальность. Системы, доминирующей над ним, нет; акторы сами, своими действиями создают социальную целостность, обеспечивающую им свободу, которая в этом случае ограничена лишь интересами и ценностями других акторов. Институциональные ограничения свободы ослабевают, рефлексия означает осмысление субъектом собственных проблем и поиск способов их разрешения, часто альтернативных существующим. Она ещё не предписана, не сведена к программе действий. Но следует особо подчеркнуть, что речь идёт о гражданском обществе и его субъекте, профессионально-управленческая система вне обсуждения. Она и в этом случае не рассматривается как возможное поле действия актора.

Третий этап

Субъект-агент эпохи постмодерна. Наконец, в эпоху постмодерна доминирование технологий выводит на сцену субъект-агента, действующего в запрограммированной среде согласно пошаговой инструкции, то есть интериоризированной программе. Система, в которую он встроен, невероятно сложна и практически незрима. В ней отсутствует (или, скорее, скрыта) иерархия и доминирование центра. Она гибкая, саморегулируемая и т. п.; она складывается из людей, вещей

В траектории развития субъекта можно выделить три этапа:

1. Субъект времён господства в профессионально-управленческой сфере классической централизованной и иерархической системы.
2. Актор эпохи институциональных перемен – независимый, ответственный, творческий и созидающий социальную реальность.
3. Субъект-агент эпохи постмодерна.

и процессов, равных между собой по своему значению в технологическом процессе. Реальным субъектом является сама система, но уже не индивидуальный или коллективный актор. Особенность этого этапа трансформации субъекта заключается в стирании границ между профессионально-управленческим пространством и социумом, между миром инструментальным и миром идентичности. Свобода субъекта, теперь уже и в гражданском обществе, ограничена не только институционализованными правилами, но заученной программой, и, по сути, теряет изначальное содержание, превращаясь в свою противоположность – в несвободу.

Примерно такие же изменения происходят с рефлексией, под которой в данной работе будет пониматься процесс осмысления субъектом проблем, целей и собственных действий, основанных на фундаментальном знании, опыте и интуиции. Вектор её трансформаций направлен на сведение этого процесса к программе, требующей лишь исполнения.

Все перечисленные тенденции есть результат разделения труда, которого и советская индустриализация не могла избежать. Отметим, что Жак Эллюль именно по этой причине не видел разницы между западным и советским индустриализмом. СССР был, по сути, чёрным ящиком для социологии, но специализация как имманентное свойство индустрии казалась достаточным основанием для выводов о невозможности сохранения контроля человека над процессом труда. Видимая жёсткость конструкций советского управления, централизация и контроль создают впечатление почти идеальной системы и строго заданных функций её отдельных элементов. Но форма не тождественна содержанию, а потому констатация её особенностей всё же недостаточна для теоретических обобщений. Необходимо, следовательно, выяснить, как именно разрешается противоречие между актором и агентом в СССР и современной России, как менялись соотношения рефлексии и программы, ценностей и норм в деятельности советского, а затем российского субъекта-профессионала, и в чём отличия общей тенденции развития (трансформации) субъекта в советской (русской) и западных моделях индустриализации.

Библиографический список

1. Здравомыслов А. Г. Социология во Франции (электронное издание) // Официальный сайт ИС РАН. URL: http://www.isras.ru/files/File/Publication/Novye_publicazii/Sociology_in_France.
2. Рабочее движение: документальные и аналитические материалы / Отв. ред. Л. А. Гордон. – М.: ИПЗ РАН, 1992.

3. Яницкий О. Н. 100 интервью с лидерами. – М.: Московский рабочий, 1991.
4. Яницкий О. Н. Экологическое движение в России. Критический анализ. – М.: ИС РАН, 1996.
5. Халий И. А. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. – М.: ИС РАН, 2007.
6. Вайнер Д. Экология в Советской России. Архипелаг свободы: заповедники и охрана природы / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1991.
7. Блюм А., Меспуле М. Бюрократическая анархия: статистика и власть при Сталине / Пер. с фр. – М.: РОССПЭН, 2006.
8. Лапин Н. И. Социокультурная трансформация России: либерализация versus традиционализация // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Том III. № 3.
9. Левада Ю. А. Статьи по социологии. – М.: Фонд Макартуров, 1993.
10. Ядов В. А. Теоретико-концептуальное объяснение посткоммунистических трансформаций // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 6. – М.: ИС РАН, 2007.
11. Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики // Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Кrumma, Н. Е. Тихоновой. – М.: Весь Мир, 2010.
12. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. – М.: Научный мир, 1998.
13. Тихонов А. В. Социология управления. Теоретические основы. – М.: Канон+, 2009.
14. Agor J. What happened in the sixties? // British Journal for the History of Science. 2008. 41(4).
15. Catton W. R., Danlop R. E. Environmental sociology and new paradigms // The American Sociologist. 1978. № 13.
16. Lash S., Szerszynsky B., Wynne B. (eds.) Risk, environment and modernity. L.: Sage/TCS, 1996.
17. Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // THESIS. 1993. Вып. 2.
18. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006.

19. Ellul J. The technological System. – N.Y.: Harper Torchbooks, 1980.
20. Giddens A. The consequences of modernity. – Cambridge: Polity Press, 1996.
21. Мациевич И. В., Семедов С. А. Политические религии в современном мире // Вестник института социологии. 2012. № 4.
22. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Пер. с англ. – М.: АСТ, 2004.
23. Perrow Ch. Normal accidents. Living with high-risk technologies. – N. Y.: Basic Books, 1984.
24. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.
25. Mol A. P. J., Spaargaren G. Towards a sociology of environmental flows. A new agenda for XXI century environmental sociology. Presentation on the conference: Governing Environmental Flows Re-inventing the State in Global Modernity, Wageningen, The Netherlands, 13-14 June 2003.
26. Urry J. Sociology beyond Society – L.: Routledge, 2000.
27. Urry J. Global Complexity. – Cambridge: Polity, 2003.
28. Latour B. Reassembling the social An Introduction to Actor-Network-Theory. – Oxford: Oxford University Press, 2005.
29. Callon M. Society the Making; the Study of Technology as a Tool for Sociological Analysis // Bijker W. J., Hughes T., Pinch T. (ed.). New Directions in the Social Studies of Technology. – Cambridge: MIT Press, 1987.
30. Saito H. Actor-network theory of cosmopolitan education // Curriculum Studies. 2010. Vol. 42. №. 3.
31. Murdoch J. Ecologising Sociology: Actor-Network Theory, Co-Construction and the Problem of Human Exemptionalism // Sociology. 2003. V. 35. № 1.
32. Whittle A., Spicer A. Is Actor Network Theory Critique? // Organization Studies. 2008. № 29.
33. Лапин Н. И. Общая социология: учебное пособие для вузов. – М.: Высшая школа, 2009.
34. Смелзер Н. Социология / Пер. с англ. – М.: Феникс, 1994.
35. Гидденс Э. Социология / Пер. с англ. – М.: Едиториал УРСС, 2005.
36. Parsons T. The professional and Social Structure // Parsons T. Essays in Sociological Theory (Revised Edition) – N.Y.: The Free Press, 1966.

37. Абрамов Р. Н. Профессии после солидарности... Микросоциологии профессий Э. Эббота // Социальная динамика и трансформация профессиональных групп в современном обществе / Под ред. В. А. Мансурова. – М.: ИС РАН, 2007.
38. Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический Проект, 2000.
39. Brint S. In the age of experts. The Changing Role of Professionals in Politics and Public Life. – Princeton: University Press, 1994.
40. Кулманн Э. «Ответственные профессионалы» и «разборчивые клиенты»: изменения во взаимодействии медицинских профессионалов государства и общества // Социальная динамика и трансформация профессиональных групп в современном обществе / Под ред. В. А. Мансурова. – М.: ИС РАН, 2007.
41. The Shell Global Homepage. Code of Ethic // URL: http://www.shell.com/home/content/aboutshell/who_we_are/our_values/code_of_ethics.